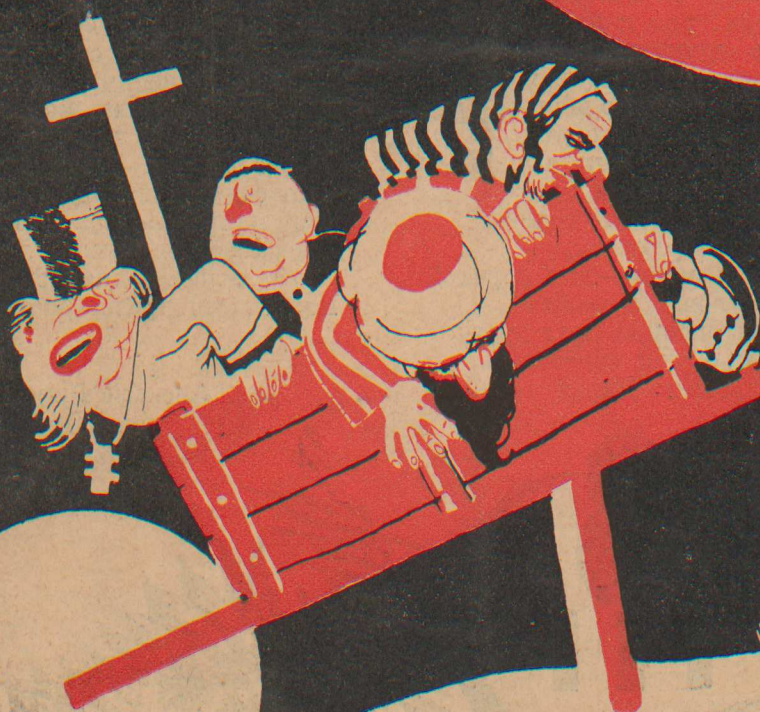

БЕЗБОЖНИК

38
10

8-е марта

337-
26/15

ВС 1927

ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ!

МАРТ
1927

РЕДАКЦИЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА
Москва, Неглинный проезд, дом 21.
Тел. 14-56-62.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На год 3 р. 60 к., на полгода 1 р. 80 к.,
на четверть года 90 к. Отдельн. № 15 к.

№ 5

СОДЕРЖАНИЕ: Антон Логинов — „Современная женщина и ее будущее“ — очерк; А. Зорский — „Аналой“ — рассказ; „Женщина мусульманка старой Турции“, — фотографии; И. Перовский — „Человек или товар“ — очерк; Ф. Ковалев — „Радио религия и антирелигиозная пропаганда“ — очерк; С. Назаров — „Кровь за кровь“ — очерк.
Обложка работы В. Г. Сутеева.

ДАРЬЯ.

В огороде туго бочка, —
Репка крепко налилась,
У Микиты репка-дочка
Наливная родилась.
Не знавали прежде яслей, —
Дай бог зыбку обрыдать...
Кочет ципаный на прясле
Прокричал: «Здоров, мать!».
Баба долго не валялась,
Повитушью хворь долой.
Поболело брюхо малость —
И вставай — трепись метлой.
От загнета до закута,
От пеленки до снопа,
Закрутилась баба круто,
Как прикрутка у цепя.
Баба вяжет колос гибкий,
Баба мочит конопель,
Дашка слезы точит в зыбке,
Что весенняя капель.
Зорька встала, замахала
Кумачами вдоль села,
Репка-девка не зевала,
Девка-репка расцвела.
Щи отцу сварить не диво,
В поле свясло по плечу,
Только ветер в переливах
Гладит колоса парчу.
Новь иная манит Дарью.
За околицей сугроб, —
В эту зиму пролетарий
Мировой увяжет сноп.
Не по чину, не по званью
Нынче людям стал почет.
На всеобщее собранье
Дарья в сборную идет.
Сизой тучей дым — махорка,
Но ясна советов новь.
Карий глаз прищулив зорко,

В рамке Ленин поднял бровь.
На крестьянскую нехватку
Смотрит... Смотрит, как живой.
Бабы, дайте делегатку
С золотою головой!
Не за косы золотые
Дарья — это голова,
За разумные, простые, —
За правдивые слова:
— Наступает время наше,
Насиделись под замком...
Бабы! кроме щей и кашки
Много дела есть кругом!
Пусть петух орет на прясле, —
Баба — клуша... что за срам?
Нужен сад нам, нужны ясли
Лектора по вечерам.
На неграмотность, на темень
Серп наточим трудовой,
Вековое сбросим бремя
Бабьей долюшки крутой!».
Дарья — в волость, Дарья — в
город,

А по жилам кровь течет,
У Ивана френча ворот
Словно ту же к горлу льнет.
Председателем в совете...
Холостым же скучно быть,
Можно думать о декрете
И молодушку любить.
Не видали медных шанок
И поповской бороды,
Не трепали свахи тряпок,
Не мололи ерунды.
Счастья мало — под дерюгой
О бок ночку переспать,
Счастье полное: друг другу
В деле общем помогать.
В сельсовете Дарья с мужем,

Дело — дружной молотбой.
А весна янтарь по лужам
Рассыпает за избой.
Было прежде лето бабье,
Нынче стала и весна:
Кумачевой алой рябью
Полыхает март с гумна.
День работниц, день крестья-
нок, —

Смычка свясла и станка.
Дарья встала спозаранок,
Разбудила и дружка.
У совета цвет-девчата
Суетятся: кто куда,
Растопыршила с плаката
Пальцы красная звезда.
Уж за лесом догорает
Алым яблоком заря,
И пошел от жерди белой,
Звон... Но звон без звонаря.
Над коньком избы-читальни
Две качели, — как струна.
Эй проснись от вести дальней,
Аржаная сторона!
Дарья, с мужем стоя рядом,
Толки слушала сельчан.
«Расцветает дело садом!».
Ей в ушко шепнул Иван.
Залилась щека малиной,
И, под сердцем чуя кладь,
Дарья думала: «Для сына
Этот сад нам поливать,
Чтоб махровыми цветами
Цвел советский жизни лад,
Чтобы выше поднял знамя
Над землей пролетариат».

Алексей Липецкий.

Очерк **АНТОНА ЛОГИНОВА.**

Рисунки **ГАВР. ГОЛУБЕВА, Д. ЧЕТЫРЕ и Н. ВОЛКОВА**

Буржуазный режим — это режим грабежа и эксплуатации трудящихся. При буржуазном режиме грабитель — хозяин жизни. От него зависит существование людей, его окружающих. Предоставить человеку право на существование или поставить его в необходимость заморить себя голодом — это зависит целиком от воли эксплуататора. Капиталисту принадлежат деньги, фабрики, заводы, машины, железные дороги, земля и все, что в ней, и все, что на ней: и живое и мертвое. У него в кулаке весь аппарат управления буржуазного государства: в его руках армия, полиция, суд, школа, печать, искусство. В его кармане — церковь со всеми ее жрецами, святынями и догматами. Он всем владеет, все держит у себя под пятой. Весь окружающий мир представляется ему сотворенным специально для того, чтобы на нем имел возможность предприниматель удовлетворять свою алчную потребность к наживе.

Весь мир для капиталиста только как средство для выколачивания барышей: на все окружающее у него один взгляд. Он оценивает вещи лишь с точки зрения их пригодности для целей эксплуатации.

Таков его взгляд и на людей: человек существует для него, лишь как живой источник нужной ему рабочей силы. Капиталисту совершенно безразлично, кто приводит в движение его машины: человек или скот, пар или электричество. Ему нужно знать только одно — какую силу и по какой цене выгоднее купить на рынке. Во сколько раз человеческая рабочая сила дешевле лошадиной, во сколько раз электрическая энергия дороже водяной силы или силы дуновения ветра. И покупая себе эту рабочую силу, он платит за нее полным рублем, платит ровно столько, сколько она стоит. Сначала он задает себе вопрос: «какую сумму необходимо затратить, чтобы вырастить и выкормить вот эту лошадь?» Потом он производит подсчет, и покупая животное, выплачивает за него точно подсчитанную сумму.

«А не выгоднее ли вместо лошадиной силы приобрести рабочую силу человека?». Необходимо взвесить и это. И если расчеты на физическую силу человека оправдывают себя, капиталист приобретает себе людей, скупает их мускульную энергию.

«Но что же стоит мускульная энергия человека?» задает он снова себе вопрос.

Она стоит ровно столько, сколько необходимо было бы израсходовать на выкормку нормально развитого, здорового пролетария: на хлеб, на харчи, на

одежду, на содержание его жилища. Хищник дает пролетарию столько, сколько стоит его жизнь, его содержание, а за это присваивает себе все, что создает пролетарий трудом своим. Эксплоататор заставляет рабочего создавать своим горбом несметные сокровища, несметные количества всякого рода ценностей, а платит ему цену его харчей, — цену корки хлеба, цену его сырой и темной каморки в подвале, цену его ветхого, грязного рубища. Все это стоит гроши, а потому грошами оценивается и сама жизнь пролетария.

Так на каком же основании требует себе рабочий прибавки, если стоимость его жизни оценена капиталистом на строгом основании законов и правил бухгалтерского искусства.

«Ты не прав, — говорит рабочий, — на ту сумму, в какую оценена моя жизнь, невозможно существовать двоим: я не один — у меня жена, дети, старики, больные: на моей шее семья».

Но капиталист умен и снисходителен: «Я не заставляю тебя кормить жену из твоего скромного пая. Ты можешь бросить ее, если эта роскошь тебе не по карману. Я вовсе не заставляю тебя работать на того, кто сам не заработал себе куска хлеба. Ты продал мне свою рабочую силу, так почему же твоя жена не соглашается торговать собою?»

Таковы взгляды эксплуататора. И все, что видит его глаза, он оценивает как товар: все покупает за деньги. «Я купил тебя, говорит рабочему, — так получи же то, чего ты стоишь. Но я твоей жены не покупаю и мне она не нужна. Если она нужна тебе — так и содержи ее сам: никто не мешает тебе делать это. Поделись с нею своим пайком, сократи свою порцию наполовину, предложи и ей сократить вдвое свой алимент, таким образом вам хватит обоим. Но ты хочешь, чтобы я из своего кармана платил за твою жену. С какой стати? Я плачу за свою, ты платишь за свою и разговаривать нам не о чем».

Что остается делать рабочему? Послать жену на фабрику возможно: и он и она на это согласны. Но опять не согласен капиталист, не согласен платить за няньку, которую должен нанять рабочий для своих голодных, без призора покинутых детей. Так порядок, введенный эксплуататорами, поворачивался к рабочему только одними острыми углами.

Право жить, право существовать на свете хищник дает только тому, кого он эксплуатирует.

Рабочий имеет 10-ти летнюю дочь, он хочет ее воспитать и радуется на свое подрастающее детище. Но буржуазный закон дамокловым мечом висит над головой труженика: жить имеет право только тот, кого эксплуатирует предприниматель. Пусть пошлет рабочий свою малолетнюю дочь на фабрику, только тогда капиталист согласится признать ее право на жизнь, право на существование. Если же рабочий не находит этого возможным, он обрекает ее, равно как и прочих членов своей семьи, на полуголодное существование, или даже на голодную смерть.

Рис. Д. Четыре.

Хвостик дает пролетарию столько, сколько стоит ему жизнь. Эксплуататор заставляет рабочего создавать своим горбом неслетные сокровища.

Согласно буржуазной бухгалтерии, семья рабочего скидывается со счета: «Я не запрещаю тебе иметь семью, — говорит эксплуататор пролетарию, — но меня совершенно не интересует, каков состав ее членов, кто из них и в чем нуждается».

Религия играет во всех этих случаях роль того плаща, в который прячет разбойник нож, когда заносит его над головой своей жертвы.

Собственными руками эксплуататор скидывал со счета жизни семью пролетария, собственными руками затягивал петлю на шее голодных членов ее и, прячась за спину бога, выставил его ответственным за все бесчеловечные преступления капитала.

Старый режим обрекал женщину-пролетарку на положение содержанки в семье своего мужа. Женщина в семье пролетария не имела своей доли. Жена в доме рабочего это то же, что вредитель в амбаре мужика. Ее роль — сокращать порцию работника, ее роль — сокращать долю супруга, сокращать его жизненные ресурсы, сокращать его жизнь. По воле капитала женщина была поставлена в необходимость играть роль обузы в жизни рабочего. И в этих условиях семья становилась проклятием для пролетария. Раба на предприятии, рабочий делал свою жену рабою в семье, рабой домашнего очага, рабой корыта, лампы и печи. Всю жизнь ходила женщина, нося на своей шее ярмо пятикратного рабства: раба перед государством, раба перед капиталом, раба перед мужчиной, оттирающим ее со всех должностей на задний план, раба перед мужем, главою, хозяином и повелителем в семье, раба перед собственной природой, обрекающей женщину на нечеловеческие страдания, связанные с рождением детей.

Старый строй усиленно насаждал и укреплял в сознании рабочего рабовладельческий взгляд на женщину: «я прижму его на фабрике, думал капи-

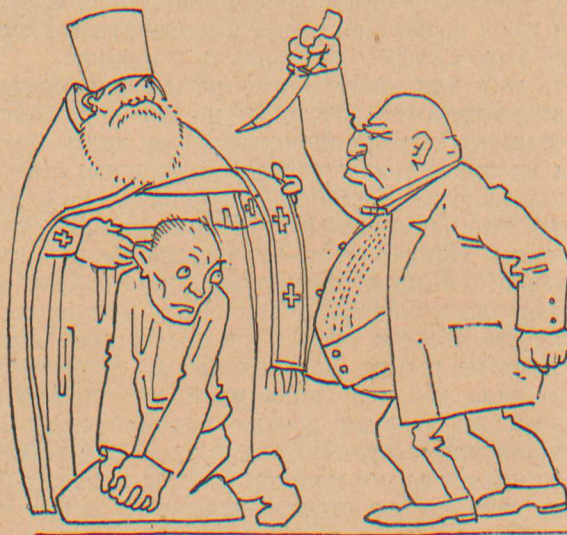
тал, так, что он сам без моих указаний начнет прижимать свою семью, дабы иметь возможность содержать ее на средства, выкроенные из его голодного пая».

И семья рабочего, таким образом, сказывалась на деле ни чем иным, как низовой ячейкой эксплуататорского ражма.

Прикрепив рабочего цепью голодной необходимости к машине, капитал сажал на цепь нужды и всю семью пролетария, он перекладывал кабалу в возрастающей пропорции с шее рабочего на шею отдельных членов его семьи, которая являлась таким образом организацией кабалы, бытовым отражением того классового гнета, которым обрушивался на шею трудящихся класс дармоедов. И тяжелей всего, конечно, доставалось женщине. Ее муж работал на фабрике, но работать без хлеба нельзя, а капиталист хлебопечением не занимается. Эта обязанность вваливалась на трудовую спину жены. На работе ее муж пачкал и рвал себе одежду. Шить и стирать мужчина не имел времени. К тому же он слишком уставал от работы на фабрике. И все, в чем нуждался он, должна была делать за него его жена, не смея при этом назвать себя полноправным членом собственной семьи, не смея считать себя ни человеком, ни гражданином, имеющим свое «я» и свою волю. Женщина ткала, шила, пряла, чинила, мыла, стирала, стирала и убирала за мужем, рождала ему детей, занималась их воспитанием и, заливая горе слезами, убивала всю свою жизнь на грязь, нужду, позор и унижения.

Но и в этом положении она не оставлена без утешения. И всякий раз она, будучи не в силах вынести тяжелые удары судьбы, в столах изливала свое

Рис. Г. Голубева.

Религия играет роль плаща, за который прячет разбойник нож.

горе, перед иконами храма, святая церковь устами жрецов возликала на ее душевные раны благотворный елей словами любви и утешения: «Всюю ропщи, чадо любимое», — говорил ей пастырь. «Не гневай бога, подумай хорошенько, и тебе станет ясно, сколь ты счастлива в своих страданиях. Вспомни, какие мучения принял на себя добровольно христос. Он сделал для того, чтобы указать всем людям путь ко спасению, ибо только через слезы приходит радость в мир, только через скорбь приходит ликование. Не даром же говорил спаситель:

«Блаженны плачущие». Блаженна и ты, жена, в скорбях источающая слезы свои... Блаженна ты, ибо только плачущим отверзаются двери царства небесного. Но пойми же, женщина, сколь милосерд господь. Вспомни, что мир погиб из-за тебя. Было время, когда блаженный Адам, пребывав в раю, испытывал неизреченное блаженство близости к богу, находился в состоянии непрекращающегося ликования. Человек жил подобно ангелам. И если бы не Ева, до сих пор подобно херувимам люди порхали бы над землей, воспевая хвалу создателю. Вспомни, женщина, сколь тяжел был грех праматери твоей Евы перед лицом рода человеческого. Весь мир стонет и мучится из-за преступления первой женщины. Как из зараженного источника, весь человеческий род рождается преступным и греховным и до сих пор женщина остается источником человеческой преступности».

Добрый пастырь открывает перед женщиной слова божественного писания и читает ей:

«Лучше злой мужчина, чем ласковая женщина». (Премудрость Иисуса, сына Сирахова, гл. 42, ст. 14).

«Как из одежды выходит моль, так от женщины — лукавство женское». (Премудрость Иисуса, сына Сирахова, гл. 42, ст. 13).

«Вино и женщины развращают разумных». (Премудрость Иисуса, сына Сирахова, гл. 19, ст. 2).

«Хорошо человеку не касаться женщины». (Послание к Коринфянам, гл. 7, ст. 1).

«От жены начало греха». (Премудрость Иисуса, сына Сирахова, гл. 25, ст. 27).

«Добрый перед богом спасется от нее, а грешник уловлен будет». (Екклес., гл. 7, ст. 26).

«Мужчину одного из тысячи нашел я, а женщины между всеми не нашел». (Екклес., гл. 7, ст. 28).

Во всем мире, во всем свете, по слову божью, нет ни одной порядочной женщины. И куда только глядел господь, когда творил такую нечисть.

Эту гнусную, эту подлую сказку про женщину распространяет церковь христова. Капиталу необходимо затоптать женщину в грязь, унижить, заплевать, опозорить, — чтобы тем легче было ее эксплуатировать, сокращать ее жизненную долю. И ретивая наемница капитала, церковь христова, за деньги извергающая своими грязными устами самую низкую, самую отвратительную клевету на женщину, призывая имя господне, обрушивается на нее со своими проклятиями: «Проклята земля тебя ради». «Ты источник греха, ты начало всех преступлений на свете, ты моль, разедающая нравственную основу жизни... Чистый, да не прикоснется к тебе».

И в этой гнусной травле, обращенной против раздавленной жизнью рабыни капитала — женщины, церковь не одинока. Другая содержанка капитала, — так называемая «чистая наука», точнее говоря, чисто эксплуататорская наука, сочинила целые теории, согласно которым женщина от природы ниже мужчины: и вес мозга ее ниже веса мозга мужчины, и физической силой и умственными способностями она обижена самой природой.

Женский вопрос — это «вечный вопрос», — вопрос, который останется неразрешимым во все времена и прошлой и грядущей человеческой истории, вопрос, который не разрешит и социалистический строй. Наемница капитала, получающая достойную мзду за свою клеветническую темную работу, буржуазная наука при старом режиме имела высокую

миссию брехать и вкаты на все, что могло быть на пользу рабочему классу, что соответствовало его интересам. Союз кадила с микроскопом, союз алтаря с университетской кафедрой действовал по единой программе.

Но пришло время и женский вопрос поставлен по-новому. Рабочий класс не знает никаких неразрешимых «проклятых» вопросов. «Женский вопрос» вне связи с вопросом о победе пролетариата для рабочего класса не существует. Ни один вопрос пролетариатом не ставится отвлеченно: «Женский вопрос и пролетариат» — так ставит рабочий класс вопрос о судьбах женщины.

И в обществе будущего, в обществе равных, когда не будет ни рабочего класса, ни класса эксплуататоров, когда не будет ни кабалы, ни зависимости человека от человека, когда не будет неравенства,

Рис. Н. Волкова.

— Вскую ропщещи, чадо любимое...

зависти, голода и нужды, когда никто не будет увеличивать жизнь женщины заточением в терему, грузкой всякой грязной, одуряющей и отупляющей работой — в обществе будущего быстро исчезнет всякая разница между полами, и навеки будет забыта гнусная проповедь попов и грязные выводы продажной науки. Получив от жизни все, что может дать она для счастья человечества, удовлетворяя полностью все свои человеческие потребности, черная полной горстью из неиссякаемого источника средств существования, создаваемых объединенными усилиями свободного трудового человечества, женщина выпрямится во весь рост, использует до конца все свои умственные и физические силы и собственным примером раз навсегда опрокинет всю ложь, все клеветнические вымыслы, в которых повинны деятели режима дармоедов и эксплуататоров.

Жизнь принадлежит освобожденному труду. Будущее за восставшим пролетариатом. С ним соединяет свою судьбу современная женщина-работница и женщина-крестьянка в борьбе за лучшую долю и вместе с ним она будет торжествовать свою победу в масштабах всего земного шара.

Антон Логинов.

Никогда еще Дарья не ждала так красной горки, как в этот год. По пальцам пересчитывала Дарья сначала недели, потом и оставшиеся денечки.

Веяло теплом и жизнью. Под ярким солнцем млела земля. Пьянели птицы в лесу от весеннего дыхания.

А Дарья пьянела от своих потайных думок.

Ровно невеста. Ровно к самой Дарье перед самой красной горкой должны были явиться свахи, затем сватья и самый лучший во всей округе жених.

Но идет Дарье сорок пятая весна, положило время у Дарьи под глазами тонкие бороздки, а по щекам — извилистые канавки. Радует Дарья за свою Васену. Но Васене, дочке, ни гу-гу о своей радости. И даже мужу об этой своей радости только наехкой под хорошую душу, после двух «маленьких, маленьких» с комарову слезинку стаканчиков» поведала, когда ушли спать за полотняный полог, в досчатый чулан в сенях.

— Ведаешь что, Яковка?

— А что?

— К Васене-то? А? К дочушке нашей, кто у красной горке присвататься должен?

— Кто? Известно кто!.. Думаешь, что я не вижу... Думаешь мужчина, так и не примечаю...

— Ну, кто-ж?

— Матренин большевичек... Матюха... Вот кто.

Дарья аж взвизгнула, смешно стало.

— Как раз угадал! Плохим попадалом да в хорошую цель... Так бы и позволила я девке с этаким...

— Ну, а по-твоему-то кто.

— А по-моему, да не по-моему, а так будет... Присватается в Васене Архип Силыч за своего Сергуню... Вот кто, не поверишь, чай.

Якова заинтересовало.

— А отклева взяла таку новость?

— А оттого, што сам Архип Силыч еще об масленой у кума Митрия на пирочке мне об этом самолично сказывал... Да как сказывал... Хорошая ты, грит, была баба, Дарьюшка... Ей-бо... Вот какая хорошая! В свой час, грит, я на тебя во как зарился... Отец мой, царство ему небесное, не позволил... Так вот хочу хоть Сергунюк свое тово... С твоей Васеной скрутить... Честь вам оказывать... потому, грит, вы теперь в люди выбиваетесь, а меня, грит, невозможно к земле прижали... И буду, грит, об Красной горке сватов засылать... Это к нам-то!.. А потому, грит, готовьтесь... Чтобы не как-нибудь, а во благолепии.

Якова распатронули первые слова. Он не хотел дальше слушать жену и, сердито гмыкнув, повернулся на другой бок.

— Гы... Так... гришь у кума Митрия на пьянке?... В свой час на тебя, гришь, зарился?... Так чего же ты мне об этом, об те годы не сказывала?

Дарья не догадывалась, чем это Яков стал недоволен.

Разговор про сватанье остался неоконченным.

Яков захрапел.

А Дарья, в думках, стала готовиться. Ведь она-то, эта самая красная горка не нивест где... Она-то вот тут... Совсем близехонько.

А порадоваться и подумать есть над чем.

В ложбинах за огородами неумоимо квакали и кумкали лягушки.

У околицы заливалась, захлебываясь пьяная от девичьих припевок гармоника.

И Васены нет.

Беспокоит Дарью и новость, сказанная мужем.

— Ужли есть что такое? Ужли Васена и впрямь с Матюхой путается? Нет... Не может быть... Мать всегда раньше отца приметит. С Матюхой Васене не ввязаться.

И одна за другой прошли перед глазами у Дарьи две хаты... Матренина, Матюхиной матери, значит, и Архипа Силыча... И куда ж им одной до другой... Ни добром, ни видом...

— Будет моя Васена, как сыр в масле... Осподи, хоть бы не раздумал Архип Силыч...

Только думки эти сладкие взошли, а тут сейчас же Матвейка Матренкин прямо перед глазами, картуз на затылке, глазами моргает.

— Ежли я буду жениться, — первая моя в деревне свадьба красная будет. Поп — ни к чему. Один туман и никакого жизненного антитесу.

— Тьфу, тьфу!..

А Силыча со сватьями не долго ждать. Зазвенели по лесу весенние припевки. Щедрое солнце стало на ласки, а земля на траву. А деревня на свадьбу и того щедрее.

Еще в субботу вечером заявили к Якову сваты во всем «благолепии». Самолично Архип Силыч с сыном Сергеем, а за свата — купчину, в только что перелицованном подрянике, дьякон Пуныркин Авраамий.

У Дарьи аж к сердцу подкатило. Не то от страха, не то от радости. Как же! Где в округе, к кому такие гости хаживали?

А Яков на Архипа волчишкой.

В мыслях такое.

— «Буду смотреть, прохвост! Может у тебя и теперь антитес насчет того, чтобы на мою бабу зариться»...

А дьякон Пуныркин все по чину.

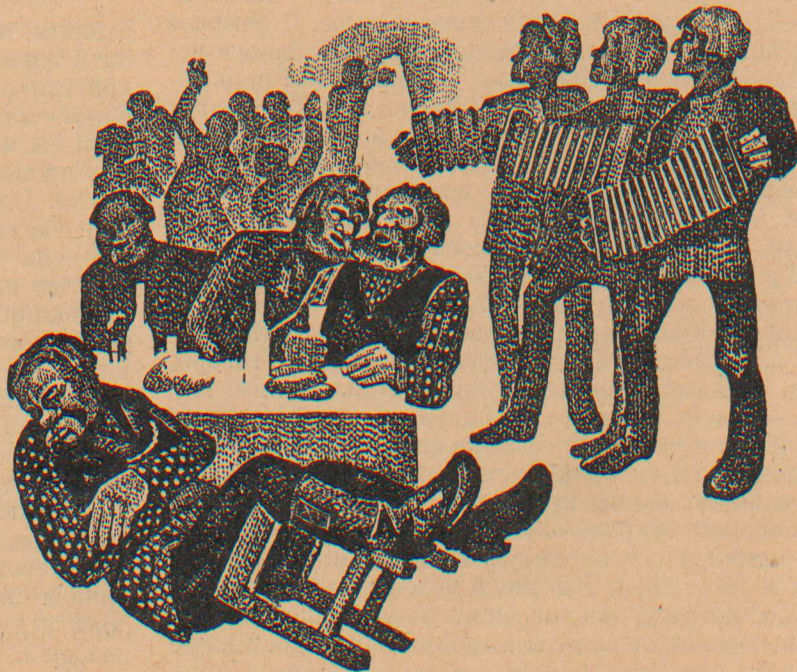
— Будем, значит, насчет товару речь держать, Яков Ваныч и Дарья Кузмишница...

И пошел бы торг, как по писаному.

А тут — Васена.

Впорхнула в избу, глаза с дьякона на Архипа Силыча, да на Сергуню не-ребжали зайчиком.

И сразу выпалила.

Такой свадьбы в деревне еще отродясь не видывали.

— Не торгуйтесь, батка. Товар не по карману.

Дарья аж отшатнулась, от испугу.

Не успела даже на девушку цыкнуть.

Архип Силыч басовито хихикнул:

— Гы... Аг-гонь девка!.. Гы!.. А может быть и осилим, красавица ты наша?

А Сергуния даже подмигнуть Васене попробовал. И поднявшись с лавки, тряхнул своей поддевкой из нового синего сукна.

Вот, мол, мы какие.

И опять подмигнул.

— А может Матрехин Матвейка в пиченки залезть успели? А?

Архип толкнул сына в бок.

А к Дарье и к Якову этак мягко, предупредительно:

— Ишшо Дарья с Яковым Ваньчем... Хе... хе... Не потеряли ишшо, говорю, совести-то, штоб своему дитяти позволили с антихристовым выродком в связи входить?

Поднес он своей молодойке такой подарок, аж та из-за синяков неделю на люди не казалась.

Дьякон Пупыркин раскатил по избе свой басистый смех.

— Они-с в сполкоме округ столика-с... Замест святого аналая... Хо-хо-хо!..

Даже Сергуния рассмеялся.

А Васена всерьез.

— Довольно мылиться, — все равно бритесь не будете...

А сама — в двери брызнула. Столько ее в тот вечер и видели.

Утром по всему селу разговоры из хаты в хату сорокой скачут.

— Василиска от счастья отказалась!

— Василиска с Матвеем большевичком целую ночь путалась!

— Сергуния Архипов Марьянку Семенову засватал!

— Марьянку? Господи, да она вить, рассказывают, с Сенькой хороводилась.

— Хы... Умная девка и похоровадится и женишка путного снагает!.. Рассказывают, Архип-то на свадьбу Семену четвертую выложил! Пуцай, грит, знают Яков с Дарьей, кому они свата поворот от ворот указали... Четвертной на разный снаряд... А еще, рассказывают, десятку на церковное благолепие дает.

И, признаться, не одна Дарья весь день точно в угаре была, — даже Якова повесть о четвертном в уныние повергла

— А чорт его побрал. Нахворостить бы девок. Двадцать пять рублей!.. Это, можно сказать, деньги!.. Опять же и насчет спокойствия.

И вспыхнул, затеплился тихонько у Якова под рубахой у левой руки в груди непонятный огонек.

— Опять же и с Архипом Силычем породниться не мешало бы! Все на бабу мою перестал бы зариться... Родня... Значит, крышка!..

И постарался же Архип Силыч.

Такой свадьбы в деревне еще отродясь не видели.

Музыки — одних гармонистов целые колеса.

Со всей округи стянули.

В церкви — паникадило на все свечи.

За хором в соседний приход съездил. В своем селе одни старики баят.

А с жениха с невестой прямо картины рисуй потомству в память и назицание.

Не было такой свадьбы в Глуховке и не быть, может, больше.

На аналой в церкви — шелковый платок. В алтарь для скрепы молодых на жизнь верную — золотые кольца. Еще в девятнадцатом выменял их Архип у приезжих городских за два фунта масла. Пригодились.

А дома, и нажарено, и наварено, и зелья пьяного накурено.

— Мы не какие-нибудь там... мы — с налоем!..

Поп по этому случаю верстовую проповедь в церкви закатил.

— Что бог соединит, того человек да не разлучает.

Дарья от этой проповеди полведра слез вылила. А на свадьбу смотреть вся Глуховка сбежалась.

А на свадьбу Матюхи с Васеной в Глуховку еще и из соседних сел молодежь сбежалась.

Как сказал Матюха, так и сделал.

— На деревне красная свадьба — первая моя! — Трудно было. Яков тот еще ничего. А Дарья — дым коромыслом, пыль столбом.

— Не нехристи мы какие!

Даже Васена спервоначалу кобызилась.

— Любить тебя, Матвейка... во как люблю! А без венца, хоть и пустяки это, боязно... Пуцай бы лучше еще кто первым начинал...

А Матвейка свое.

— Ежли я значит иду насупроть всякого туману, так чиво-ж мне с долгогривыми жеребцами в их лавочке путаться? Нет там для нашего брата никакого путящего товару. Брось, Васенка. Опосля все поймешь, ежли до сей поры не уцмила... Понимаешь?

Васена Матюхе верить хочет.

Не такой он, как другие парни. Знающий. И люб он крепко Васене. Уговорила помаленьку и мать с отцом. Да не столько ее уговор, сколько Сергуний сюрприз подействовал. Прополз в Дарьино ухо про Сергунию слух нехороший. Быдло на первый же неделе после аналая, по капризу своей матушки, поднес он своей молодойке такой подарок, аж та из-за синяков неделю на люди не казалась.

— Господи!.. Пуцай бы себе и за Матвейку!.. Только бы у святого аналая...

И в клуб с молодыми не поехала. А свадебка была не хуже, чем Сергунина, только старух не было. Да и то иные одним глазом со слепо любопытство-

вать заходили в Матренину новую избу, саморучно Матюхой к свадьбе построенную.

— Господи!.. ровно и не люди!.. Сошлись, спухались, и — на супружескую постель... Господи!

А из раскрытых окон Матрениной избы так и бухают голосовые песенные выстрелы.

— ...Мы молодая гвардия рабочих и крестьян!

Бабы ахи-вадохи так и потонули... Ровно их и не было.

Осенью на Покров в Глуховке — престольный. После обедни группами ходили подвыпившие. В каждой хате — пирушка. Ждала Дарья к себе дочку с аятем в гости. Наварила, нажарила. В окошко зирк-позирк.

Только к Дарье гостей нетути.

Забегала Васена стрелозой в избу.

— Мамка, я в Заречное с Матвейкой...

— Куды?

— В Заречное... Праздник там, в клубе... Нашенский, собрание...

— Тыфу!.. Выродки вы несусветные! И в слезы.

— Свадьбы не видела и теперь не по людски. Ровно у меня и дочка родимой не было... Господи!.. То-ли дело, как люди-то!.. Видела, как Сергуния с Марьянкой к своим проплыли.

Господи... Да они ж вить у святого аналая... По святому таинству.

— Ага, мамка! Вот-вот! А ты знаешь, куда они ушли-то?.. Знаешь? Не завидуй. Я и сказать тебе забыла. В суд они пошли — вот куда. На развод. Не хотя евоныне родители, да и сама Марьянка одумалась. Разве у Архипа житье?

Дарья выпучила глаза. Руки развела. — Господи!.. Да они-ж вить у святого аналая!.. По святому таинству...

Да так с разведенными руками и стоит, на Васену уставившись.

А та ей.

— Ну, некогда мне! Побегу Матвея догонять.

Антон Зорский.

Женщина мусульманка старой Турции

(фотографии П. АБРАМОВА, снято в начале 1917 г.)

Женщина—выучный скот. Мужчина идет налегке. Женщины на десятиверстное расстояние по крутым горам тащат тяжелые мешки с мукой для своего господина.

Женщина на дорожных работах (прокладка шоссе). От зари до зари, под палящим солнцем, ни на секунду не открывая лица, она таскает в корзине тяжелые камни. Весь поденный заработок идет в карман ее мужа, спокойно лежащего дома на мягких коврах.

Женщины на полевых работах. Перенося кукурузную солому запасает корм и топливо.

НОВАЯ ЖЕНЩИНА ВОСТОКА.

Узбечка на с'езде женщин Востока в Москве.

Вогулы в школе.

Туркменки-ковровщицы, командируемые в Париж на выставку.

Женотдел Дагестанского Областкома, сделавший многое в области борьбы с бытовыми предрассудками.

Собрание киргизок.

Делегатки-башкирки на культурной работе.

Очерк Н. ПЕРОВСКОГО.

Рисунки П. СТАРОНОСОВА, Г. ГОЛУБЕВА и Д. ЧЕТЫРЕ.

(Письма с Кавказа).

Последние сводки по перевыборной кампании дают ясное представление о тех громадных сдвигах, которые произошли в настроениях русской деревни на 10-м году революции. Крестьянские бабы, долгие века не знавшие иной работы, кроме каши для мужа и жвачки для ребенка, батрачки, надрывавшиеся в непосильной работе на местных кулаков-богатеях, девушки, покорно и безгласно ожидавшие законного брака по воле родительской, — ныне крепко и твердо берутся за общественную работу. Женщина — в совете, в кооперативе, в читальне, в ликбезе, на агропункте. Прорван невод, сплетенный искусными руками отцов православной церкви, невод, сотни лет добросовестно служивший темноте и бесправью, и «божья рыбка» уходит на простор новой жизни и нового быта.

По книге Бытия, бог, после грехопадения, изрек Еве: «муж будет господствовать над тобой». Ну, и господствовал же он! Придет к попу избитая баба, пожалуется на горькую жизнь, поп ей по евангелию: «терпи», а между прочим гони гривенник в кружку. А теперь, поди-ка попробуй погосподствуй над ней.

По горным кряжам и по темным ущельям Кавказа, магомет и муллы сплели особенно надежные и крепкие сети. Освященный кораном закон шариата крепко опутывает кавказскую женщину по рукам и ногам. Женщина — не человек: она товар, сперва принадлежащий отцу, а впоследствии мужу, товар, который можно выгодно продать, которым можно пользоваться для удовлетворения своих потребностей и нужд, а затем, за ненадобностью выбросить на улицу.

Перед нами протокол заседания Кадарского сельсовета (Дагреспублика).

Слушали: 1. Так как за выходящих замуж девушек не установлен определенный размер калыма (выкупа), родители таковых от жениха просят большие суммы денег и вещи, вследствие чего бедные, несостоятельные граждане

остаются неженатыми. (Докладчик председательства).

Постановили: 1. В дальнейшем установить следующий размер калыма за выходящих замуж девушек.

а) за самую хорошую в высшей степени девушку деньгами в сумме 120 р., две штуки постели, два одеяла, две подушки и больше ничего не давать.

б) За девушку низшего круга и также за вдову отдавать по согласию обеих сторон, но ни в коем случае не больше установленного в п. а, размера.

Значит, жену надо купить и купить ее можно по сравнительно недорогой цене: за «в высшей степени хорошую девушку» всего 120 руб. и кое-какую домашнюю рухлядь. Кто побогаче, тому этот товар вполне по карману.

Так мудрые экономисты из Кадарского сельсовета установили твердые цены на живой товар первой необходимости.

Но иногда этот товар начинает артачиться и, опираясь на новые права и на советский закон, уходит из рук владельца, уплатившего за него установленную плату. Наш корреспондент тов. Нанта, так описывает случай с маленькой Кулсум из аула Кен-Юрт, Чеченской автономной области.

Судьба маленькой Кулсум определилась против ее воли: к ее родным приехал зажиточный чеченец Малаев, уплатил калым, а потом, при согласии родителей, совершил карамши (кражу невесты).

Кулсум в ту же ночь опозорили, а затем отвели к мулле и тот завершил все брачным обрядом. Девочка плакала, упрямилась, не хотела быть женой старика, но приехали родители и приказали подчиниться. Не любил ее муж за упрямство и его плетка не раз хаживала по телу несчастной. Пришли дружные времена. Заглянули в аул работники женотдела.

Кулсум к ним с вопросом: «А может меня муж заставить жить с собою насильно и бить меня плеткой?»

— Конечно, нет.

— Я хочу развестись с ним. Помогите мне.

В тот же день Кулсум было написано прошение о разводе. Дело сначала попало в шариатский суд, где судья-мулла отказал Кулсум в ее просьбе: велик аллах и надо жить так, как в коране сказано.

Но не помирилась с этим Кулсум и перенесла свое дело в нарсуд. И как не сильны в Чечне аллах и мулла, а нарсуд оказался сильнее их: он постановил брак Кулсум с Малаевым расторгнуть.

Маленькой Кулсум повезло. Очевидно, и делегатки женотдела приняли горячее участие в ее судьбе и сама она выгодно отличалась своим упорством от других женщин Востока, покорным велениям мужа и воле аллаха. Маленькая Кулсум не правило, а скорее исключение. В громадном большинстве случаев, запуганная религией, позором и голодом женщина остается в руках нелюбимого мужа. Вот рассказ того же корреспондента о судьбе русской девушки, Акулины Ивановны Лысовой, из ст. Павлодольской, Терского окр., украденной богатым кабардинцем.

«Темною ночью 17 февраля по улицам станции промчались джигиты-кабардинцы...

Около дома Лысовых всадники остановились...

— Кулинка дома? — спросил один из джигитов по-русски.

— А где-же ей быть. Дома.

— Пусть выйдет на одну минуту. Дело есть...

Кулинка не вышла, но всадники ворвались в дом, схватили девушку и уехали...

Спустя несколько дней стало известно: девушку украл кабардинец Богательский, из аула Ахлова. У него уже есть молодая жена—кабардинка, но ему обязательно захотелось жениться на русской девушке..

Родные кинулись в РИК, в Муртазово (Каб.-Балк. авт. республ.), о происшедшем был составлен протокол.

А тем временем несчастная Кулинка была изнасилована и фактически стала женою кабардинца. Кулак-двоеженец добился согласия украденной, а мулла

небе, когда все это, при самых минимальных расходах, можно завести и здесь, на земле?

Много есть мест на Кавказе, где вера в пророка тает у нас на глазах... Но не мало и таких, где она еще держится крепко. И даже для некоторых советских работников святой обычай шариата дорожке законов рабоче-крестьянской власти. Вообще говоря, передовой активный чеченец к религии относится довольно равнодушно, но когда дело заходит о свадьбе,—прадедовские обычаи

Рис. П. Староносова.

Активным пособником увоза девушек является мулла.

торжественно совершил брак по мусульманскому обряду. Затем родственники явились к родным Лысовой, чтобы и здесь уладить дело миром. Расплата за девушку пошла червонцами и дело кончилось к тому, что все окончится без привлечения виновных к судебной ответственности».

Не уйдет Кулинка из рук богатого развратника. Куда ей уйти? В родной станице засмеют опозоренную девушку.

В каждом письме об увозе девушек, активным пособником является мулла. За деньги, за пару баранов он благославляет насилие, уговаривает несчастную подчиниться мутрой воле аллаха, повелевающей женщине быть услодой мужчины. А мужчины (богатые), опираясь на слова корана и обычаи предков, заводят себе по несколько жен, ибо, зачем ждать адема с гуриями на

берут свое. Корреспондент «Аллах» сообщает нам следующий факт. В Шатое (Чечня) предокрисполкома Окуев карапчил (украл) себе жену. Пиршество по этому случаю продолжалось около недели, сопровождалось криком, гамом и винтовочной стрельбой и, наконец, закончилось приглашением мутлы для наставления в предстоящем брачном пути.

Если карапчил предокрисполкома Окуев, то чего же требовать от простого некультурного горца.

Наша корреспондентка «Горянка» красочно описывает самый процесс «карапчи»—насильственного увоза невесты, обычая, ведущего свое начало от глубокой древности.

Темно в ауле. Когда нет звезд на небе и луна закрыта тучами, выезжают всадники-джигиты на «дело». Винтовки зачастую с холостыми патронами. Сме-

ются. Шутят. Окружили саклю (дом), взломали окна... Шум, гам, крики... Начались выстрелы... Выбежали соседи.

— Кязлы! Кязлы! (Девчонка! Девчонка!)—кричат всадники и все улыбаясь прячутся обратно по домам.

Дело житейское: добывают жену,—приехали красть девушку. Кроме родственников, никто не смеет мешать этому.

Сегодня ночью «поженятся»... Завтра узнают из какого аула, будет уплачен «калым», хотя и небольшой. Все будет по адату, как было раньше, как каждый из карацевцев брал себе подругу жизни...

Рис.
Г. Голубева.

Развод совершается быстро и просто.

Это не важно, что в сакле вся в слезах убивается, плачет и умоляет не трогать дочери—мать. Так всегда бывает. Ее свяжут и положат на кровать. Отцу, если начнет защищаться, дадут приклада, а девушку, в одной рубашке, которую иногда здесь-же рвут на части, завернут в бурку и на коней...

По дороге, под веселые крики «джигитов» муж вступает в свои права, совершая гнусное насилие».

Обычай соблюден, за товар уплачены деньги—значит, все в порядке.

Чем моложе женщина, тем выше она расценивается. Кор. «Осетинка Шура» приводит факты, когда женою становится девочки 9—10 лет. В этих случаях мулла, под страхом ответственности, брака не совершает, а только «авансом», именем аллаха, благославляет его. И вот в 9—12 лет—жена, в 14—15 лет—мать, в 20—25 лет—старуха.

А раз старуха,—значит надо с ней развестись. И тут святой обычай шариата к услугам правоверного мусульманина—и развод, по требованию мужа, совершается быстро и просто.

Правда, Советская власть борется против подобных варварских обычаев, стремясь обеспечить разведенной жены, но шариатский суд всегда на стороне мужа, даже в том случае, когда жена—несчастный опозоренный ребенок.

Был приглашен мулла для наставления в предстоящем брачном пути.

Рис. Д. Четыре.

Вот заявление такого правоверного мужа:

В ГЛАВСУД ДССР.

Гр. сел. К. А. О.

Кассационная жалоба.

Решением Нарсуда Лакского округа, состоявшего 21 апреля 1926 г. по делу с односельчанкой Ш. О. Р. К. я недоволен по следующим причинам: 2—3 месяца тому назад я женился на званной дочери Ш. Р. К. Когда я ее взял домой смотрел, что она совсем маленькая, негодная для дела, так как она была малолетняя и маленького роста. Если чтонибудь делал бы ей, то она умерла бы,

Обнаружил, что она маленькая.

если не отдав развод оставить, то сам умер бы от возбуждения, то боясь этого я спросил Шариатского Кадия и других, то они велели отдать развод. При венчаниях у нас бывает по местному обычаю 30 руб. с них. Шариатский кадий предполагал 15 руб., ей отдав это тоже, отдал развод. Не согласившись, на это, она отдала в Нарсуд, нарсуд не обратив внимания Шариатского калыма взыскал с меня. Поэтому прошу Главсуд вновь разобрать мое дело и в иске отказать. Надеюсь, что вы откажете, так как если по Шариату, то Шариатский кадий тоже отказал с меня половина калыма».

Значит «смотрел он жену, когда взял ее домой и только там обнаружил, что она маленькая и негодная для дела».

Ну, что-ж! Беда не велика. По мудрому решению шариатского кадия — выбросить этот негодный товар на улицу, — и кончено.

Но просыпается женщина Кавказа от сонного зелья магомета и мулл. Кор. Чернышева пишет нам из Адыгей-Черкесской авт. обл.

«Самый мучительный вопрос для адыгейки, — это отношение к ней мужчин — мужа, отца и брата.

Нередки случаи, когда муж прямо запрещает жене быть делегаткой, угрожая кровавой расправой, и в лучшем случае разводом.

Это вечно новый и вечно старый вопрос, о котором много писалось, и много говорилось и по которому на местах почти ничего не делалось и не делается.

Оказывается, что аллах страшен не адыгейке, а адыгейцу, что муллу слушает не жена, а муж, и коран почитает не женщина, а мужчина и нужны какие-то меры, которые открыли бы путь адыгейке, через делегатские собрания, к общественной жизни.

Одна из делегаток, Эйзи, предложила однажды, кажется в ауле Тахтамухое,

вывешивать в аулсовете фамилии тех мужчин, которые не пускают своих жен на делегатские собрания.

— Пусть мулла имена наших передовых мужей проклинает в мечети, а мы будем смеяться над его сторонниками в совете, — сказала т. Эйзи.

Длинными, цепкими корнями врос обычай шарната в каменистые склоны Кавказских гор. Крепко держатся за эти корни служители магомета и сотни ты-

сяч правоверных. Но не устоят они перед бурным потоком новой жизни.

Не воля аллаха, а советский закон.

Не мечеть, — а клуб и читальня. Не бормотанье муллы, а книга, газета, журнал.

И женщина не товар, а человек, со свободной волей, и с разумом, не затменным словами корана.

Н. Перовский.

Радио, религия и антирелигиозная пропаганда

очерк ФЕОФАНА КОВАЛЕВА.

Радио, это величайшее достижение науки, все больше и больше распространяется в городах, рабочих поселках, и деревнях. В наше время к осени 1926 г. в пределах СССР было около 60.000 приемных радио-станций, из них — около 4.000 станций коллективного пользования.

Особенно интересна для нас та роль, которую играет радио в деревенских условиях. В избах-читальнях оно является могучим помощником избача. Радио привлекает внимание широких масс крестьянства, и заставляет более регулярно посещать избу-читальню тех крестьян, которые до этого заходили туда изредка и случайно. Даже старики и женщины, которых раньше совсем не удавалось привлечь в избу-читальню, теперь охотно идут в нее.

В некоторых местах радио дало возможность ввести плановость в посещение избы-читальни: специальные дни и часы отведены для различных групп населения — для детей, молодежи, женщин, деревенского актива (членов сельсовета,

членов правлений кооперативов, добровольных клубных организаций). Каждой группе предоставляется возможность послушать различный материал по радио и, кроме того, в плановом порядке изба-читальня ведет с каждой группой ту работу, которая нужна ей в данное время.

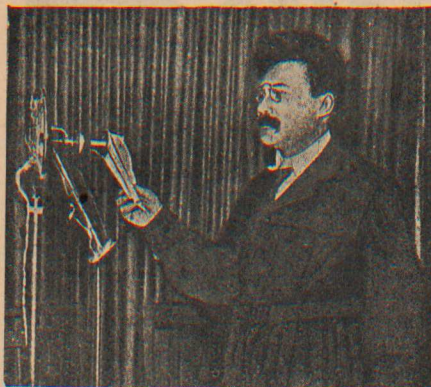
Избачи сообщают, что хорошо работающее радио оживляет работу кружков и увеличивает их посещаемость. Вокруг радио пробуждается деревенская общественность.

В селе Полутьево радио послужило толчком к созданию красного уголка: вернувшийся домой с заработков из Москвы демобилизованный красноармеец т. Дворянин привез с собой маленький радиоприемник, заинтересовал им население; на сходе постановили приобрести радио-громкоговоритель, собрали деньги, купили аппарат и так как ставить его негде было, решили создать красный уголок, которого не было до тех пор... На открытии уголка присутствовало почти все взрослое население села.

Собравшиеся на Свердловской площади слушают доклад т. Ярославского.

Во многих местах трудны именно первые шаги по устройству радио в деревне: масса, не видавшая и не слышавшая никогда радио, относится иногда с недоверием к этому делу. Когда группа устройств, преодолевая чрезвычайные трудности находит средства на радиоприемник и уже собирается строить антенну, — начинаются новые трудности: поп и его приспешники по поводу радио распускают слухи о нечистой силе, ссылаются на «священное» писание, говорят о конце света и запрещают цеплять антенну за колокольню. Это запре-

Тов. Ем. Ярославский произносит антирелигиозную речь на радио [станции имени Коминтерна.

щение очень вредит радио-строительству в деревне. В деревне, особенно отдаленной от передающей станции, антенна должна быть подвешена высоко. Колокольни и купола церквей в этом отношении наиболее удобны для прикрепления антенны, если они находятся близко от того здания, где намечена установка радиоприемника. Если не воспользоваться в этих случаях верхушками церквей, то приходится устанавливать лишнюю высокую мачту, что сопряжено с техническими трудностями и с дополнительными расходами.

Мы считаем, что радиолюбители, устраивающие радио в деревне (или городе) для общественного пользования, делают неправильно, обращаясь к попу или церковному совету за указанным разрешением: поп совсем не хозяин церкви, церковный совет верующих получает церковь тоже не в собственность, а лишь во временное пользование для богослужебных целей и являются, как бы бесплатными арендаторами церковного здания. Доводы попов и членов церковных советов о том, что установка антенны на церкви опасна для здания церкви, являются либо ложью, либо полным незнанием дела: установка антенны не только не опасна для здания, но наоборот, является хорошим предохранителем от удара молнии... Вообще же обращаться за разрешением нужно в райисполком, либо в облисполком, — т. е. в тот советский орган, который по договорам передает церковное имущество верующим для молитвенных целей. Рик или вик предложит двадцатке не препятствовать в устройстве антенны на куполе. Во многих местах, и в городах, и в деревнях купола церквей уже использованы для прикрепления антенн.

Небольшая часть крестьян-стариков, являясь слушать радио, кое-где выражает недоверие, говоря, что тут какое-то жульничество, что где-то за стеной спрятан человек, который говорит или

играет на музыкальном инструменте, и что не может быть слышна речь или музыка издали... Таким недоверчивым людям обычно предлагают проверить, и поискать этого человека. Иногда радиоорганизаторы прибегают к таким способам: пишут в Радиокрестьянскую газету просьбу — в определенный день и час при передаче газеты сообщить об устройстве радио в данном селе и упомянуть имена, стариков и старух, считающих радио нечистой силой. Газета обычно охотно откликается на это, и поощряя деревню с открытием радио, упоминает группу недоверчивых стариков, которые при этом сменяют свое недоверие — восторженным отношением к радио. Есть и другой способ: в присутствии стариков записут радио-информацию роста и записи дадут на хранение одному из стариков; через несколько дней или недель получают газеты, в которых напечатана эта информация. После сверки своей записи с газетой старики убеждаются, что разговоры о нечистой силе — чепуха. У крестьян, слушающих радио, возникает чувство благодарности к Советской власти, способствующей связи деревни при помощи радио со всем миром.

Так становится у нас радио могучим орудием приобщения народных масс к культуре, могучим орудием просвещения и социалистического строительства, тогда как за границей, в капиталистических странах радио является орудием обмана и одурманивания трудящихся. Там часто по радио передаются богослужения и проповеди. В Англии, в праздничные дни, когда рабочие свободны и могут слушать радио, крупнейшая радиостанция «Девентри» усиленно ничкает слушателей религиозной программой: в 4 ч. начинается передача богослужения в течение целого часа; затем два часа передаются церковные гим-

Крестьянки слушают радио.

ны; в 7 ч. 5 м. — лекция по географии; потом опять в течение 1 ч. 45 мин. — колокольный звон и богослужение, в 9 часов — женский хор передает церковные гимны.

Там попы не только не говорят о радио, как о нечистой силе, но стараются всемерно использовать радио в своих интересах и в интересах эксплуататорских классов.

Да и у нас в СССР попы и верующие далеко не прочь также использовать радио. 25 апреля 26 г. на диспуте обновленцев с тихоновцами в Московском Экспериментальном театре один из тихоновцев написал следующий вопрос митрополиту Введенскому: «Не находите ли вы возможным использовать радио в целях передачи церковных проповедей наиболее талантливых проповедников». Держи карман шире! У нас не хватает денег на школы, а они хотят, чтоб мы позволили попам за счет казны народ дурачить по радио. Не пройдет этот по-

мер... При такой активности, проявляемой попами, мы в этом деле далеко не на высоте положения. Радио до сих пор мало используется в целях антирелигиозной пропаганды. А в то же время радио-лекции антирелигиозного содержания могли бы служить могучим средством распространения наших идей, они могли бы восполнить недостаток на местах квалифицированных лекторов и давали бы возможность рабочим и крестьянам, разбросанным в глухих углах, слушать виднейших антирелигиозников. До сих пор радиопередающие организации вспоминали об антирелигиозной пропаганде только в самых «пожарных» случаях: накануне рождества и пасхи.

В период минувшего рождества — московские радио-станции передавали следующие антирелигиозные лекции: Антона Логинова: «Классовая сущность праздника «Рождество Христово». Кушнера: «Происхождение религии», лекция Леонтьева: «Химия души». Типугина: «Чудесные исцеления от болезней», доклад т. Путицева. «Орождестве».

Ксендз у микрофона читает проповедь передаваемую по радио.

Изредка передавались по радио антирелигиозные диспуты, например, — 29 ноября 1926 г. Ленинградская широковещательная станция передавала диспут т. Луначарского и Введенского на тему: «Существует ли бессмертие».

Местным ячейкам союза безбожников и политпросветчикам необходимо следить за программой радио-передач, и принимает меры к наилучшему использованию антирелигиозных лекций для работы в избирательные или клубы: вывешивать объявления о предстоящих антирелигиозных радиолекциях и другими способами привлекать необходимых слушателей на эти лекции; а после лекции вести беседы, вывешивать списки книг своей библиотеки по данному вопросу и давать эти книги читателям; в уголке безбожников и в антирелигиозном отделе стенгазеты также можно помещать материалы, связанные с антирелигиозной радио-лекцией.

Необходимо местным работникам изучать влияние антирелигиозных радиопередач на слушателей и сообщать о результатах в печати и передающим организациям.

При умелом подходе и нынешние программы радиопередач могут быть с успехом использованы — для антирелигиозных целей: лекции по медицине, сельскому хозяйству, естествознанию, политические доклады могут дать материал и для антирелигиозных выводов. Известны случаи, когда крестьяне приходили в избирательные за справкой, какая погода предсказана по радио на ближайшие дни: веры в то, что погода от бога зависит, у этих крестьян не оказалось уже после непродолжительной работы радио.

Ф. Ковалев.

(ДАГЕСТАН).

Очерк С. НАЗАРОВА.

Рис. С. ЛОДЫГИНА.

Среди различных горских народностей Кавказа живут и «сыны израиля», так называемые горские евреи,—эта небольшая народность, тысяч до 80 человек, разбросанных повсюду, сжилась с горцами-мусульманами, впитала в себя местные традиции и мало чем отличается от них по своему быту, нравам и обычаям.

«Адат» и «намус», обычай и закон чести, до сего времени держат в своих тисках оседлые культурно-отсталые народности Кавказа, в частности Дагестана. «Адат» и «намус» для горца, выросшего среди скал и ущелий, далеких от современной культуры,—непреклонные законы. Таковы они и для горских евреев, которые в силу бытовых условий жизни, перемешали законы Иеговы с законами Магомета.

После смерти крестьянина аула Аксай, горца-еврея Зевлу, остался сиротой единственный его сын, Арузлум. Арузлум воспитывался у родственников, которые были обязаны перед покойным воспитать его по законам Иеговы, согласно местному адату и намусу. С малых лет Арузлум, как и другие дети богобоязненных родителей, учился в «талмуд-хуна» (иудейская религиозная школа у горских евреев), а в окружающей среде получал закалку по традициям адата и намуса.

Годы текли, бежало время, как Терек. Арузлум стал взрослым человеком. Жизнь без родителей дала ему многое, чего не имели маменькины сынки. Она выработала в нем скромность и большую терпеливость, мало свойственные его сверстникам. Но Арузлум не был трусом. Это было бы позором для горца: он никогда не плошал в схватках, никогда не уступал джигитам¹⁾. В компании он всегда был весел и приветлив, не различая в дружбе ни горца-еврея, ни горца-кумыка²⁾, относился также дружелюбно и к русским и потому пользовался любовью и уважением всех. По адату его, как сироту, обязать не полагалось, ибо в беззаконии он был обижен своим положением. Редко проходила свадьба или вечеринка без приглашения на нее Арузлума.

В особенности его уважали товарищи из среды кумыков, с которыми он дружил с малых лет. Они считали Арузлума «своим», и не раз предлагали ему перейти в исламство, обещая оказывать не только моральную, но и материальную помощь, как это принято по

адату. Но Арузлум считал для себя большим гунахом³⁾ пойти на такой шаг и не порывал с иудейским вероисповеданием.

Арузлум подросток, его женили на одной из красивых горянок-евреек. По адату на Кавказе женятся в очень раннем возрасте и замуж выходит с 13—14 лет, а то и раньше; обзаведение семьей при скромных условиях жизни Арузлума было не маленькой обузой, заставившей его свести свои потребности к еще более скромным размерам. Чтобы добывать средства для жизни самостоятельно, Арузлум переехал в казачью станицу Каргалинскую, за 40 верст от родины.

Здесь, среди казачьего населения, вопреки осуществлению «указов его величества», натравливавших русских на евреев, Арузлум установил с казаками прекрасные отношения, встречая широкое гостеприимство и пользуясь всеобщим уважением.

Весна... Пасхальные дни на носу. Погода ясная... солнце слегка греет, а весенний ветерок предсказывает близкое пробуждение природы от долгой спячки.

Арузлум был должен 30 рублей одному из своих друзей—Умару, жившему в Аклае. «Долг платежом красен»—этого принципа придерживаются и горцы, а поэтому Арузлум решил, пока были деньги, отвезти их Умару, хотя срок платежа и не наступил.

Умара не оказалось дома. Арузлум решил произвести расчет без Умара; он знал его брата, Алтава. Объяснив цель своего приезда, Арузлум стал отсчитывать деньги, прося вернуть обратно выданную им Умару долговую расписку.

Атав, отличавшийся большой вспыльчивостью и напускной гордостью, ответил на это:

— Джуут! Какую тебе расписку?.. Плати долг и только...

Арузлум, пропустив мимо ушей оскорбление и спокойно прижав обратно деньги, сказал:

— Когда Умар будет дома? Я привозил ему долг и хотел взять обратно свою расписку. Я знаю, что Умар отдаст ее и поэтому зайду в другой раз, когда он будет дома.

Алтав решил деньги получить во что бы то ни стало и попробовал припугнуть Арузлума:

— Разве тебе, джуут, неизвестно, что не уплатив денег, ты не уйдешь отсюда живым?..

Но не из тех был Арузлум, которые побоялись бы храбрецов, подобных Алтаву. По адату его оскорбили и он должен был смыть это оскорбление кровью. Но зная, что вся эта история результат глупой вспыльчивости Алтава, он пытался избежать кровавого столкновения. Алтав продолжал напирать, несмотря на все уговоры и вмешательство посторонних, присутствовавших при этом. Наконец чаша терпения переполнилась и Арузлум сказал:

— Проклятие Аллаха тому, кто боится из нас друг друга. Если желаешь умирать—выходи на улицу.

Будучи гостем, Арузлум, в силу адата, не мог ответить Алтаву оскорблением в его доме. Борьба джигитов допускается только на улице, где нет ни гостей, ни домохозяев.

Джигиты выскочили на улицу... Алтав обнажил свой длинный кинжал.

Но Арузлум не обнажал своего маленького кинжала без времени, он и здесь проявил спокойствие.

Присутствующие стали уговаривать Арузлума уехать. Не сочувствуя кровопролитию и уважая желание присутствующих, среди которых было много почтенных и влиятельных людей, Арузлум спокойно сел на подводу.

Борьба джигитов имеет свои законы: никто не имеет право наносить противнику внезапного удара, обе стороны должны иметь возможность обороняться. Но не в характере Алтава было придерживаться правил борьбы. Он хотел крови, хотел быть победителем... Внезапный взмах кинжала над головой Арузлума и коричневая бухарская шапка покатились по земле... Макушка головы Арузлума была, как сбрита...

Арузлум не потерял присутствия духа; он спокойно прыгнул с подводы и протянул руку за шапкой... Алтав еще раз сделал то, что не подобает джигиту: ударом кинжала, который Арузлум успел отвести от головы, он ранил последнего в левую руку.

¹⁾ Джигит—храбрец гор.

²⁾ Кумык—мусульманин.

³⁾ Гунах—грех.

... сам Алтав наткнулся на маленький кинжал Арузула.

Истекая кровью, Арузул все еще не обнажал кинжала...

По адату не допускается колоть кинжалом. Но Алтав не считается с этим. Он хочет убить джууту, преступная законы чести... Третий удар направлен в живот, он хотел выпустить Арузулу кишки наружу...

Один гибкий поворот Арузула, и сам Алтав наткнулся на маленький кинжал Арузула, получив при этом смертельный удар.

Разъяренные толпы родственников Алтава, считавшие своим долгом отомстить джууту за смерть мусульманина, бросились на Арузула.

— Бей джууту...

Спасаться было невозможно. Арузулу пришлось пробивать себе путь кинжалом...

Он хотел найти спасение в аульском правлении... Недалеко от ворот правления стоял один из родственников убитого, с чукмаром¹⁾ в руке. Чукмар угодил Арузула в голову...

Обливаясь кровью, Арузул кое-как добрался до правления. Охрана правления спасла его от разъяренных горцев и под усиленным конвоем перевела в Хасав-Юрт.

Когда гонец уведомил Умара о случившемся, тот в ужасе сказал:

— Какое дело было несчастному Алтаву до моего друга Арузула?..

Он проклял тот час, но верный, как и другие горцы, адату, дал клятву перед свежей могилой брата, взыскать «за кровь кровью».

Он не стал больше другом Арузула... Между ними стала великая пропасть, имя которой адат...

Шли годы... Но не забывалась кровь... Спасаясь от мести «кровников»²⁾, Арузул скитался по «чужим» краям, чуть ли не ежегодно меняя место жительства, что было особенно трудно, в те времена, когда существовала «черта оседлости».

Все попытки кровников взыскать «за кровь кровью» кончались неудачами. А у Арузула росли сыновья, знавшие историю отца.

В годы революции старший сын Арузула пал от руки бандитов, а младший — Шамиль, посвятил себя общественной работе среди отсталого горского еврейства и был вынужден переехать в город Кизляр, расположенный в 50 верстах от Аксая, где проживают «кровники».

¹⁾ Чукмар — палка с сучкообразным концом.

²⁾ Кровники — связанные кровной мстью.

Шамиль рисковал быть жертвой кровной мести, а, в лучшем случае, быть новым кровником-двойником, т.е. убить при нападении кого-либо из искателей крови.

Шамилю приходилось быть в боевой готовности днем и ночью, не расставаться с револьвером. Товарищи комсомолы и партийцы спрашивали у Шамиля:

Арузул скитался по чужим краям.

— Для чего ты носишь револьвер? Ведь это лишняя обуза, когда гражданская война утихла и все спокойно...

Он объяснял:

— У кровников война длится столетиями.

Со времени убийства Алтава прошло уже два с половиной десятка лет, а кровники не забывают этого. Шамиль, не желая делать кровникам вызова своим пребыванием в Кизляре, и будучи чужд всяких суеверий и предрассудков этого архивытового «закона», неоднократно принимал меры к примирению. Шамиль был согласен соблюсти адат примирения, но Умар и другие родственники Алтава не шли на примирение.

Наконец, они дали согласие и даже подписку в том, что не будут искать

крови обидчиков, если не встретят их на своем пути нечаянно.

Но, это — формальность, которая может успокаивать только того, кто не имеет понятия о кровной мести: подвернется удобный случай и горец забудет о всяких расписках и статьях уголовных кодексов, преследующих кровную месть...

После примирения обыкновенно кровники живут дружнее, чем родные братья и называются «ган-кардаш»¹⁾.

Но Арузулу и Умару не пришлось стать «ган-кардашами»...

Каждому из них сейчас по шестидесяти лет, но они ни на минуту не забывают своей родовой вражды, которая рано или поздно, но разрешится новым кровавым актом, которая с каждым годом втягивает в это все большее количество людей, часто с трудом устанавливающих то или иное отдаленное родство между собою.

20—30 лет для поисков крови это — ничто. Есть такие «кровники», которые ищут мести из поколения в поколение: внуки, правнуки, праправнуки — все в курсе дела, все ждут удобного момента, все живут в напряженном ожидании... Ищут не только того, кто виновен, но и его родственников, лишь бы пустить «за кровь кровью».

Кровная месть — это вопрос, не имеющий разрешения. Будет найден и убит родственник виновного или он сам — за него будут мстить его родственники и так без конца создаются с каждым новым актом мести новые кровники и если проследить за потоками кровной мести, то окажется, что она связывает и перепутывает своими узлами почти всех здесь живущих.

По предварительным данным прокуратуры, только за последние годы, по одному Дагестану, от кровной мести ушли «на тот свет, к святым пророкам» до 600 человек тружеников, людей в цветущих годах. 600 убийств, — это создает такое же количество новых кровников...

С целью предотвратить это зло, в свое время практиковались институты по примирению кровников. Но и это не дало положительных результатов. Для горца адат и намус — все. Здесь его не остановит ничто, даже если бы это грозило расстрелом.

Единственно, что могло бы послужить к изжитию таких ужасов адата, как кровная месть, это — насаждение советской культуры в горах. Ибо известно, что уже и сейчас, вместе с ростом партийных, комсомольских и пионерских организаций в горах, когда горцы идут в ВУЗ'ы и на Рабфаки, растет и новый быт, возникают новые идеи, ослабляющие силу адатов, расшатывающие власть рутины и религиозной традиции. Но, много времени, много сил потребуется для того, чтобы снять с сознания горца религиозно-бытовую плесень, чтобы национальное чувство, потребность защиты своих по крови и по религии уступило место чувству классовой солидарности.

С. Назаров.

¹⁾ Ган-кардаш — кровные братья.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1927 ГОД

на двухнедельный рабоче-крестьянский кооперативный журнал с иллюстрациями **„СМЫЧКА“**
Журнал „СМЫЧКА“ необходим каждому работнику сельской и городской кооперации и активному пайщину, каждому коопер. кружку и уголку

Главполитпросвет о „СМЫЧКЕ“

„Главполитпросвет считает журнал „СМЫЧКА“ весьма ценным изданием, оказывающим большую пользу не только в деле распространения кооперативных знаний в деревне вообще, но и как пособие при работе изб-читален. Поэтому „СМЫЧКА“ включается в список журналов, рекомендуемых Главполитпросветом для выдачи в избы-читальни и библиотеки“.

Условия подписки

	1 мес.	3 мес.	6 мес.	1 год.
„СМЫЧКА“ без приложений	30 коп.	90 коп.	1 р. 60 к.	3 руб.
„СМЫЧКА“ 1-я серия с прилож. „Библиотечки Кооператора“ .	55 коп.	1 р. 60 к.	2 р. 40 к.	5 р. 80 к.
„СМЫЧКА“ 2-я серия с прилож. „Заочн. Коопер. Курсов“ элементарн. цикл — в 24 выпуска . . .	—	—	—	5 р. 80 к.
„СМЫЧКА“ 3-я серия с прилож. „Заочн. Коопер. Курсов“ — основ. цикл — в 48 вып.	—	—	—	8 р. 50 к.

Подписку и деньги надо адресовать:

МОСКВА, Центр, Б. Черкасский пер., 17

Главной Конторе Периодическ. Изданий Центросоюза

ПОЛОВОЙ ВОПРОС

В общедоступных очерках с иллюстр. составлен. врачами специалистами

ПЕРВАЯ СЕРИЯ:

1. Половое бессилие, его предупреждение и лечение.
2. Отчего и чем болеют женщины.
3. Половая жизнь, нормальная и ненормальная.
4. Триппер мужчины и женщины его предупреждение и лечение.
5. Что должны знать мужчины и женщины, вступающие в брак.
6. Аборты, его последствия и меры его предупреждения.
7. Опиумизм, его причины, последствия и меры борьбы.
8. Что должна знать беременная женщина.
9. Проституция и новый быт.
10. Полное созревание человека.
11. Четыре стадии сифилиса.
12. Предупреждение беременности.

ВТОРАЯ СЕРИЯ

- под ред. д-ра С. И. Малова:
1. Половая жизнь и алкоголь.
 2. Половая жизнь и неврастения.
 3. Половое влечение и его сущность.
 4. Половое воспитание детей.
 5. Половые преступления.
 6. Беспокойство мужское и женское, предупреждение и лечение.
 7. Половое воздержание (за и против).
 8. Половая жизнь и спорт.
 9. Период полового угасания.
 10. Половая гигиена женщины.
- Цена отдельного выпуска с пересылкой 32 к. Первая серия (12 вып.) высылается за 2 р. 50 к., вторая серия (10 вып.) высылается за 2 р. 10 к. Обе серии вместе (22 вып.) высылается за 4 р. 50 к. (можно марками в установленном виде).

Высланный серию получает бесплатно футляр для книг.
При высылке денег вперед пересылка бесплатна.
ДЕНЕГ И ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ МОСКВА, 19, ул. Герцена, № 24. Книжное издательство „Светоч“

КТО ХОЧЕТ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ КРЫС, МЫШЕЙ, КЛОПОВ И ТАРАКАНОВ

пусть выпишет наше зарекомендованное средство, разрешенное и утвержденное Мосздравотделом № 2064. Порция от крыс и мышей по 3 руб.; от клопов и тараканов цена по 3 руб. Сумма заказов переводом, упаковка и пересылка наложенным платежом. Фирма принимает и подяры по уничтожению грызунов и паразитов на фабриках, заводах, кооперат., складах и пр. учреждениях.

Москва, 9, Тверская ул., 57-б.

С. С. ДОНМАЗАНУ.

Фирма „ИСТРЕБИТЕЛЬ“.

жки 1 р. Кобур 3 р. Шнур 75 к. Полное снаряжение: кобур, подержки, пояс, шнур — 6 р., лучший сорт 7 р. 50 к. Походный портсигар с плеч. ремн. 3 р. 25 к. Высылается наложен. платежом. Москва, 9, Тверская, 19, А. Шлугер. Подробный иллюстр. прейскурант высылается за две 8-коп. марки.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на газету МК ВКП(б) „МОСКОВСКАЯ ДЕРЕВНЯ“ и Моссовета И ЖУРНАЛ „ДЕРЕВЕНСКИЙ САМОУЧКА“

„МОСКОВСКАЯ ДЕРЕВНЯ“ простым, понятным языком рассказывает о всех важнейших событиях в С. С. Р. и за границей и знакомит крестьянина с культурным, умелым и доходным ведением сельского хозяйства.
„ДЕРЕВЕНСКИЙ САМОУЧКА“ дает возможность приобрести знание по общественному, естественному, русскому языку и математике и учит правильно устно и письменно выражать свои мысли, вести расчеты, необходимые в хозяйстве и повседневной жизни.
„ДЕРЕВЕНСКИЙ САМОУЧКА“ выходит 2 раза в месяц по 32 страницы в каждом номере.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На газету „Московская Деревня“: на 1 мес.—25 к., на 3 мес.—75 к., на 6 мес.—1 р. 50 к., на 1 г. 3 р. 00 к.
На журнал „Деревенский Самоучка“: на 1 мес.—20 к., на 3 мес.—60 к., на 6 мес.—1 р. 20 к., на 1 год—2 р. 40 к.

Заказы с деньгами направлять по адресу: МОСКВА, Тверская, 15. Подписка на газету „Московская Деревня“ и журнал „Деревенский Самоучка“ принимается уполномоченными Издательством „Московская Деревня“, снабженными соответствующими документами, а также во всех почтовых пунктах, агентствах кольцевых почтах и письмоносцами.
Издательство „МОСКОВСКАЯ ДЕРЕВНЯ“.

МОСКОВСКОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ КООПЕРАТИВНОЕ Т-ВО

„КООПЕРАМУЗЫКА“

ПРАВЛЕНИЕ и ОПТОВЫЙ СКЛАД — Петровка, Кузнецкий пер., 5, тел. 5-22-63.

РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИН — Петровские ворота, 30.

Продажа всевозможных музыкальных инструментов и производство

ГИТАРЫ, МАНДОЛИНЫ, БАЛАЛАЙКИ

Цены вне конкуренции

БАЛАЛАЕЧНЫЕ, ДОМРОВЫЕ ОРКЕСТРЫ, ДУХОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ, СТРУНЫ И ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Организациям льготные условия и кредит
Прейс-курант—16 к. марками

НА ГИТАРЕ, МАНДОЛИНЕ И БАЛАЛАЙКЕ

Можно без знания нот легко научиться играть. Общее руководство для трех инструментов с новейшими песнями, романсами, и проч. по цифр. системе высшей наложки. плажом

за 2 р. 75 к.

НА ГАРМОНИИ

(двухрядн.) самоучитель по той же системе с 80 музык. №№ Цена налож. плат. 2 р. 75 к.

„РУССКО-ИНОСТРАННАЯ КНИГА“

Москва, улица Герцена, д. 9/27.

ЛУЧШЕ И СКОРЕЕ ВСЕХ ПОРТРЕТЫ

С любой карточки изготовляет и высылает наложки. платежом Промысл. Коопер. Т-во „Ротограф“.

Запомните: „РОТОГРАФ“, Москва, ул. Огарева, № 1/12.

Имеет 2 ателье исполнение быстрое и художественное.

Цена за портрет в паспорту размером 24 x 30 7 р.

„ 30 x 40 10 р.

„ 40 x 50 14 р.

Упаковка и пересылка за счет заказчика.

Шлите Вашу карточку и задаток в сумме 20 проц. заказа.

Всюду на местах требуются представители. Пишите.

Правление.

ОБЪЯВЛЕНИЯ в газету и журнал БЕЗБОЖНИК

Кто хочет сделаться хорошим оратором, тот должен выпустить новую книгу „Ораторское искусство“ с приложением „Искусство спорить и оспаривать“ Составил по сочин. проф. З. Фрейда, Р. Герлинга, проф. Э. Гейслера и др.

Цена с пересылкой наложенным платежом 1 р. 35 к.

Адрес: г. Пенза, почтовый ящик Б. № 30 (тридцатый), в книгоиздательство Г. Д. Давыдова.

ОБЪЯВЛЕНИЯ в газету и журнал БЕЗБОЖНИК

принимаются по телефону 4-36-62. Москва, Неглинный пр., д. 21